

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОЖЬ

Эрин

Тогда.

Июль 2019

Знаете, как бывает? День, когда твоя жизнь резко меняется, может начаться совершенно обычно. Рука Дэнни лежит на мне, а я пробуждаюсь от того, что он начинает ворочаться.

Его ладони ложатся на мои щеки. Я понимаю, что он проснулся раньше меня и некоторое время наблюдал за мной.

— Тебе приснился страшный сон, — говорит он.

Я сворачиваюсь калачиком, прижимаюсь к нему, вдыхаю запах его тела.

Кошмар. Мне снова приснился кошмар.

С Дэнни я могу быть такой, какая я есть.

Мой муж знает о моем прошлом, обо всем том, что мучает и терзает меня.

Даже несмотря на то, что минуло уже немало времени, кошмары мне снятся часто. В них меня душат, а я не могу закричать. А еще это дикое чувство отчаяния — осознание того, что никто не придет тебе на помощь.

Дэнни тоже за свою жизнь навидался всякой жути. Думаю, именно поэтому меня к нему и тянет.

Мои родители в какой-то момент, наверное, могли сменить гнев на милость и простить меня за то, что я переехала за океан, но потом я вышла замуж за копа, и вот с этим у них уже смириться не получилось.

Дэнни целует меня, окончательно развеивая остатки жуткого морока, а потом мы занимаемся сексом — неспешно, медленно, по его инициативе и настоянию.

Он напряжен, не издает ни звука, в каждом его движении четкий расчет. Дэнни ни на секунду не отводит взгляда от моих глаз. В последнее время у него много дел.

Работа, проклятая работа. Домой он возвращается поздно. В его работе мало приятного, но мы о ней не говорим. Мы дали друг другу обещание: служба в полиции отдельно, семейная жизнь — отдельно. Две параллельные вселенные, которые не должны пересекаться. В последние несколько недель мы практически не виделись, а прошлым вечером обменялись лишь парой фраз. Похоже, нам обоим пора вспомнить, что время от времени необходимо давать отпор внешним обстоятельствам, норовящим влезть в наш мирок.

Достигнув кульминации, он ложится на бок, подпирает голову рукой и, наклонившись ко мне, щекочет мой нос кончиком своего носа. Его

лоб влажный от пота, а ресницы такие длинные, что обзавидуется любая женщина.

Я смеюсь, и в моем смехе слышится облегчение.

— Ты чего? — строго спрашивает он.

— Да я не над вами смеюсь, господин детектив, а просто от счастья, что ты рядом, — отвечаю я.

— Ясно. Яйца будешь? — он вспрыгивает с кровати, словно отдохнувший боксер, готовый с новыми силами ринуться в бой. Впрочем, я вижу на его лице печать озабоченности — значит, Дэнни уже думает о предстоящих на сегодня делах.

— Куриные? — задаю я дурацкий вопрос.

— Ну не утиные же, дурочка, — фыркает он и, чуть запнувшись, произносит: — Извини.

— Просишь у меня прощения за то, что я не кончила?

Он улыбается, но только меня не обманешь — я же вижу выражение его глаз. Дэнни плохо, и ему позарез нужно отдохнуть. Мне это очевидно.

— За то, что мне сейчас придется тебя оставить в одиночестве. Я тебя люблю.

— В кровати без тебя тоска смертная, но я тебя прощаю. С одним условием. Ты сварить мне кофе.

Дэнни направляется на кухню, и я слышу, как он возится с нашей темпераментной кофеваркой. Затем, шлепая по полу ногами, он направляется

в ванную комнату, откуда до меня доносится шум воды. Дэнни включил душ — теперь ему предстоит обождать минуты три, пока прогреется вода: поначалу она льется ледяная.

Несмотря на то что на часах всего семь часов утра, спальня уже залита солнечным светом. Как оказалось, занавески, что я заказала в интернет-магазине, его прекрасно пропускают. Эта их особенность беспокоила Дэнни куда как сильнее меня, у него сон гораздо более чуткий, и его может разбудить любая ерунда. Лично я люблю просыпаться хоть в солнечную погоду, хоть в дождь — я обожаю и то, и другое. Ты живешь — и уже этому надо радоваться.

А день обещает быть просто отличным. Черт подери, возможно, я даже решусь на то, что давно грожусь сделать. Отправлюсь на пробежку по пляжу, пока на нем еще не появились туристы. Затем поработаю с представленными на рассмотрение рукописями, пообщаюсь с офисом по телефону — в работе на дому есть свои прелести: сам решаешь, когда тебе приниматься за труд. Когда мы только сюда переехали, я каждый день моталась в офис издательства, в котором работаю. Полтора часа на поезде из рая в город и полтора часа — обратно. Я уже собиралась увольняться, но начальник предложил перейти на дистанционку, о чем я ни разу не пожалела.

Заставляю себя сесть в постели и поискать на полу одежду. Подбираю футболку Дэнни и свои леггинсы.

В большой, просторной гостиной, занимающей львиную долю нашей квартиры на верхнем этаже дома в Ньюпорте округа Суффолк, я обнаруживаю остатки ужина, что мы вчера поздним вечером заказали в китайском ресторане — белые картонные коробки и тарелки со следами недоеденной жареной лапши и риса с яйцом. Я перевожу взгляд на раковину, в которой громоздится куча немытой посуды, затем смотрю на посудомоечную машину, решившую сломаться в самый неподходящий момент, и тяжело вздыхаю.

Когда мы приобретали квартиру, отдельным пунктом договора оговаривалось, что жилье продается вместе со всей встроенной техникой.

Щелкаю круглым переключателем на нашем стареньком радио, чтобы послушать утренние новости, после чего принимаюсь за дело.

Пусть в нашей квартире не все идеально с техникой, зато какое расположение! Сам дом выкрашен белым, а окна с украшенными орнаментом черными ставнями в георгианском стиле выходят на залив Беллпорт и остров Файер-Айленд. Всего одна минута пешком до пляжа с поросшими травой дюнами и белоснежным песком, который протянулся на многие километры! До бара «У Макналли», куда мы чаще всего ходим — две минуты, ну а ресторанов и закусочных поблизости — вообще без счета.

Просто дом, в котором находится наша квартира, располагается прямо посередине самого

типичного, буквально эталонного портового городка Лонг-Айленда. Я раскрыла огромные, от пола до потолка, французские окна, и в комнату ворвался ветер, в котором уже чувствовался зной наступающего летнего дня. В квартире запахло морем. Тем временем в программе новостей разгорелся спор. Один из приглашенных на передачу политиканов почему зря поносил полицейское управление Ньюпорта. К нему присоединились и другие гости — они обсуждали, отчего полиции не удастся справиться с ростом наркоторговли — бедой, пришедшей к нам из соседнего округа, Нассау. Оно понятно, о чем еще говорить политикам? На носу выборы, а тема острая, уровень преступности влияет на туризм, а значит, и на доходы избирателей. Еще один из гостей, обладатель неприятного визгливого голоса, принимается рассуждать о бездарности и повальной коррупции, царящей среди стражей порядка, и я выключаю радио.

Дэнни работает в убийном отделе, и потому весь этот шум-гам из-за роста наркоторговли не имеет к нему прямого отношения, но такие нападки, как сейчас по радио, больно бьют по самолюбию каждого полицейского. У них работа тяжелая, низкооплачиваемая, неблагодарная, нередко опасная, а тут еще приходится терпеть нелепые беспочвенные обвинения.

К тому моменту, как кофе разлит по кружкам, а шум воды в ванной стих, мне удалось прибраться, пусть и поверхностно. Интересно, удастся ли

уговорить Дэнни отказаться от сделанного на скорую руку омлета и вместо этого заехать позавтракать в новую закусочную на Мейпл-стрит? За едой мы сможем обсудить планы на долгожданные выходные. Дэнни побожился провести их со мной, а на понедельник взять отгул. Мы собирались отправиться в Хартфорд, поселиться на пару дней в каком-нибудь прикольном месте и вдумчиво обследовать рестораны и питейные заведения Новой Англии.

Вдруг нам в дверь постучался полицейский. Ну надо же какая неожиданность.

Полицейские стучат по-особенному — не ошибешься.

Я принимаюсь изрыгать ругательства себе под нос. Да, сегодня вторник, рабочий день, но часы показывают только четверть восьмого утра, а Дэнни уже, видите ли, понадобился на работе. Бах! Это лопнула мечта полакомиться на завтрак блинчиками в закусочной.

Снова стук, раздавшийся через несколько секунд после первого.

Да хватит уже барабанить в дверь, вашу мать, иду я уже, иду.

«Ничего, не психуй, — твержу я себе. — Всего-то потерпеть до конца недели, а там милый муж-полицейский окажется в твоём безраздельном распоряжении на целых семьдесят два часа».

Я велю умолкнуть внутреннему голосу, напоминающему, как сильно мне приходилось

в прошлом сожалеть, что я, позабыв, кем работает мой муж, строила планы на наше совместное времяпровождение.

Открываю дверь и вижу на пороге напарника Дэнни — Бена Митчелла.

Дэнни рассказывал, что, когда их впервые поставили в пару — еще в убойном отделе на Манхэттене, ребята в полиции называли их «монохромными». «Вон, монохромные пришли», — усмехались следователи и патрульные, когда Дэнни с Беном заходили в участок. Бен — блондин, а кожа у него белая-белая, словно снег. Дэнни — черный как вакса. Шутка напрашивалась сама собой.

Дэнни с Беном сработались неплохо, а вот я от напарника мужа была не в восторге. Я достаточно рано почувствовала, что он меня не жалует. Может, дело в том, что раньше Дэнни ходил за Беном как привязанный. По большому счету Дэнни живет и работает в округе Суффолк из-за Бена. И было у них все прекрасно, пока не приехала я и не разрушила идиллию.

В прихожей кроме Бена переминаются с ноги на ногу двое полицейских в форме. Я вижу выражение лица Митчелла и понимаю: стряслось что-то серьезное и о планах на предстоящие выходные можно смело забыть.

И когда я начну учиться на собственном опыте?

Похоже, никогда.

Я слышу за спиной шаги Дэнни, который входит в гостиную, и, не оборачиваясь, понимаю, что он тоже увидел лицо Бена. По всей вероятности, он сейчас соображает, как половчее разрешить назревающий семейный скандал.

— Эрин, — произносит Бен скорбно-мрачным тоном, — боюсь, у меня плохие новости.

День, когда меняется вся твоя жизнь, может начаться самым обычным образом. Такое уже со мной случалось. И все началось совсем как сейчас — со стука в дверь.

Я жду, чувствуя, как внутри все сжалось. Ощущаю себя уставшим от войны солдатом.

Кто-то погиб? Кого-то убили?

Выражение лица Бена меняется, но смотрит он не на меня, а за мое плечо — на Дэнни.

Я поворачиваюсь, полагая, что Дэнни, услышав и распознав тон Бена, собирается меня подбодрить и утешить. Я понимаю, до моей семьи далеко, но если с ней случилась беда, муж тут же доставит меня к ней. Он обо всем позаботится.

Оказывается, Дэнни смотрит не на меня.

Он уставился на Бена. Муж выглядит так, словно случилось что-то ужасное, будто он полностью раздавлен, уничтожен.

Дэнни направляется к французским окнам, выходящим на маленький балкончик.

Я в смятении непонимающе гляжу на него.

Он оборачивается, и я перехватываю его взгляд.

Дэнни не похож на себя.

Выражение его лица не передать словами. Оно вроде и виноватое, и вместе с тем искажено от боли. Дэнни открывает рот, словно собираясь что-то сказать, но вместо этого просто сглатывает. Он отводит взгляд, будто один лишь мой вид причиняет ему муку.

Он перекидывает одну ногу через ограду.

«Что ты, блядь, творишь?» — хочется крикнуть мне, но я так растеряна, что язык отказывается слушаться.

Он перекидывает вторую ногу и теперь сидит на кованой ограде.

Отталкивается от нее руками.

Исчезает из виду.

Позади меня движение — Бен с полицейскими врываются в гостиную.

Меня будто парализовало.

С улицы доносится звук глухого удара. Мы живем на пятом этаже.

Это тело моего мужа.

Какие-то несколько секунд — и его не стало.

Эрин

Наши дни

Декабрь 2020

Ума не приложу, кому пришла в голову идея украсить здание суда округа Суффолк к Рождеству. Маленькая елочка в дешевой мишуре, стоящая в караульной, источает приятный аромат, а по радио звучит веселая музыка.

С Рождеством и с Новым годом...

Вся эта праздничная атмосфера кажется дилетантской. Нелепой.

Мне на ум приходят воспоминания о том, как мы три года назад праздновали Рождество — в нашей тогда еще новой квартире. Всего за несколько недель до этого мы с Дэнни поженились. Я для проформы купила в магазинчике на распродаже дешевую искусственную белую елочку. Я Рождество особо не жалую. Я разлюбила его еще в Ирландии, примерно в то самое время, когда мир мне напомнил, что нет ни Санта-Клауса, ни волшебства, ни чудес.

Дэнни при всем при этом казался живым воплощением духа Рождества. Этого сурового здоровяка ростом под метр восемьдесят хлебом не корми, дай только посмотреть в сотый раз «Один

дома» и погрызть красно-белые леденцы в форме посохов.

Первым делом я слышу Дэнни и уж потом вижу его самого. Дело обстоит так. Муж пытается попасть ключом в замочную скважину, ругаясь под нос, потом, дергая им в замке, пытается вспомнить, куда этот ключ надо поворачивать. Дэнни любит повторять, что наружная дверь нашей квартиры попала к нам из пещеры, в которой Али-Баба нашел сокровища сорока разбойников: пока не произнесешь волшебные слова, она не откроется.

Он затаскивает в квартиру здоровенную, высотой с него самого пушистую ель и громко хохочет при виде растерянности и ужаса на моем лице.

— У нас украшений не хватит, — говорю я. — И как ты ее вообще запихнул в лифт?

— Да я ее по лестнице затащил, — отвечает он.

А потом заключает меня в объятия.

— Я хочу, чтобы ты запомнила наше первое Рождество, — шепчет он мне на ухо.

В то Рождество Дэнни напомнил мне, как глупо испытывать чувство вины за то, что я продолжаю жить.

Он приготовил мне свое коронное блюдо — омлет и тост с корицей, а потом вручил подарок, завернутый в упаковку изумительной красоты. Выясняется, что он купил дорогущий